

Далеко не все описи земельных владений содержат упоминания о проастиях. Так, из всех своих владений Михаил Атталиат передал дому для бедных только один проасти²⁷, хотя вся недвижимая собственность Атталиата была расположена внутри или вокруг двух городских центров — Константинополя и Редесто. Создается впечатление, что к концу XI в. полностью исчезают проастии того типа, которые в VII—X вв. образовывали вокруг городов широкий пояс пригородных хозяйств.

Трудности определения проастиа носят не только терминологический характер. В завещании Евстафия Воилы (1059 г.) отразилось стремление определенной части византийских помещиков к созданию собственного хозяйства. Казалось бы, что поселения, созданные самим помещиком, должны были больше напоминать усадьбу, чем, скажем, деревню, и тем не менее они названы в завещании *χωρία*. Впрочем, назвав Иссею и Паравуни *χωρία*, автор завещания сам же далее именует их *κτῆματα καὶ προάστια*²⁸. Можно предположить, что такая непоследовательность объяснялась наличием в этих владениях черт как проастиа, так и деревни. Они создавались помещиком непосредственно для своих собственных нужд (т. е. обнаруживают элементы близости к поместью), однако в них, по-видимому, было и зависимое население (о существовании последнего, по-моему, свидетельствуют частые упоминания об аренде), очевидно, жившее деревнями.

Все эти наблюдения еще не позволяют заглянуть внутрь проастиа, выяснить его земельные распорядки и в первую очередь — характер землевладения его зависимых крестьян. Именно зависимые (а не мистии и рабы, как это было во времена составления Податного устава²⁹), о чем свидетельствует опись владений Андроника Дуки 1073 г., составляли теперь основное население проастиа. В описи упомянуто пять проастиев, в которых размещено 45 крестьянских хозяйств³⁰, распределенных по имениям следующим образом: Варис (главный проасти³⁰, к которому тянут все остальные) — 13 париков, Олиф — 10, Гамма — 7, Галаидэ — 12, Меланис — 2 парика. Кроме того два парика сидят еще на отдельных участках в имении Мандракл. Как видим, ни один из перечисленных проастиев не располагал сколько-нибудь значительным числом зависимых крестьян. Характерно, что рента крестьян, описанных в Патмосской писцовой книге, выражена в деньгах и сведена в столбцы. Такой прием применялся, как правило, при описи крестьян, платящих государственные подати. Сугубо казенный характер описанных в книге крестьянских платежей заставляет предполагать, что они отражают только государственные, а не сеньориальные повинности. Это предположение становится уверенностью, когда мы узнаем, что в имениях имеется барская запашка (минимум 420 модиев, судя по количеству сохранившегося семенного хлеба) и крестьяне должны были поэтому выполнять известные барщинные работы. Между тем никаких отработочных повинностей Патмосская писцовая книга не упоминает. Чьим же трудом велась обработка господской земли? Можно выдвинуть следующее предположение. В описываемых имениях в момент переписи

²⁷ ММ, V, р. 304.20 (1077).

²⁸ Во и л а, стр. 223.28, 225.20 и 225.18. Очевидно, это обстоятельство и заставило М. В. Левченко перевести термин *χωρίον*, обозначающий не только эти два поселения, но и два других — Узики и Хоспакрати (Во и л а, стр. 223.29), только как «имение» («Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 170—171).

²⁹ Трактат, стр. 115.40.

³⁰ Такая цифра соответствует поименному подсчету крестьянских хозяйств; сама же опись в итоге называет иную цифру, а именно — 49 хозяйств, которую без оговорок принимает П. В. Безобразов (ук. соч., стр. 105) и повторяет М. В. Левченко («Сборник документов...», стр. 178).